

УДК (091)130.2

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ В ПОНИМАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА И КРИЗИСНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

**КОРОСТЕЛОВА
ЛИЛИЯ
ИВАНОВНА**

*доктор философских наук,
профессор кафедры философии и культурологии,
Петрозаводский государственный университет,
институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Российская Федерация,
Lila31@yandex.ru*

Ключевые слова:

миф
лиминарность
нигилизм
амбивалентность
кризис сознания
онтология

Аннотация:

В статье специфицируется понятие «кризис» с точки зрения включенности его в междисциплинарный нарратив. Феномен кризиса рассмотрен в нескольких плоскостях: как «промежуток» – при переходе от мифического к трагическому; как «ничто» в экзистенциальной плоскости; а также как «тревога» и «граница» в философии Ясперса и Фуко. Были выявлены такие общие черты кризиса, как лиминарность, нигилизм и амбивалентность.

© 2023 Петрозаводский государственный университет

Получена: 25 ноября 2023 года

Опубликована: 25 декабря 2023 года

Введение

Опыт реагирования человека на ситуации, которые можно назвать переломными или кризисными мы обнаруживаем уже в самых древних (ритуальных) практиках. Человек на протяжении своей мифологической истории воспринимал сам себя не иначе как игрушку в руках богов, а свою смертность – как определяющее условие частной жизни внутри мифологической реальности. Перевод тематики кризиса из частного пространства личной судьбы и рока в некие универсальные структуры является первой серьезной попыткой осмысления кризиса в философии. То, что происходит с человеческим сознанием (собственно кризис) в ситуации выпадения из этого онтологического горизонта, становится материалом для последующего описания в рамках экзистенциально ориентированной философии и психологии. Мы затронем лишь некоторые наиболее интересные для раскрытия нашей темы аспекты. Выбор обусловлен авторскими предпочтениями.

1. Кризис как «промежуток»: от мифического к трагическому

В мифологической картине мира кризис соотносен с опытом нахождения между двумя мирами. Так как «смысл жизни и ее цель человек космологического периода видел именно в ритуале» [7: 32], то уровни такого опыта имеют характер повтора и воспроизведения. Это означает, что выход из кризиса обусловлен внешними силами и не связан с самим человеком. Подобная практика самым полным образом описана Генеппом в работе «Обряды перехода»:

Человек в своей жизни последовательно проходит некие этапы, и окончание одного этапа и начало другого образуют системы единого порядка. Таковыми являются: рождение, достижение социальной зрелости, брак, отцовство, повышение общественного положения, профессиональная

специализация, смерть. И каждое из этих явлений сопровождается церемониями, у которых одна и та же цель: обеспечить человеку переход из одного определенного состояния в другое, в свою очередь столь же определенное [4: 9].

Любой переход соотносится с ритуальным разыгрыванием умирания и имеет три уровня: отделение, промежуток, включение: «полная схема обрядов перехода теоретически состоит из обрядов прелиминарных (отделение), лиминарных (промежуток), постлиминарных (включение)» [4: 15]. Кризис в описанной традиционной схеме – это нахождение лиминарного существа между двумя мирами. Лиминарные существа амбивалентны, они «ни здесь, ни там», поэтому лиминарность разыгрывалась на уровне ритуала как опыт смерти. Двусмысленность лиминарности (ср. «жуть зависания» у Хайдеггера) свидетельствует об отсутствии у нее онтологического статуса и оптики для различения своего критического положения. Мистические партиципации выполняют функцию сталкеров.

Далее уже эпос становится такой конструкцией реальности, в которой происходит имитация мифа, а человек оказывается способным наблюдать эту историю со стороны и в таком наблюдении открывается, что судьба есть категория общая, захватывающая весь род людской в его бытии, а не частная. «Смертность – не функция существования, а определение человека в сути его бытияэтим “пределом”, этой “петлей” человеческая жизнь схватывается в нечто целое» [2: 131]. Более того, герой знает свою судьбу. Он знает, что погибнет, поэтому героический выбор для него не менее неизбежен, чем сама смерть. Даже говорящий конь Ахилла знает о его смерти и предупреждает трижды:

Что ты, о конь мой, пророчишь мне смерть? Не твоя то забота!

Слишком я знаю и сам, что судьбой суждено мне погибнуть

Здесь, далеко от отца и от матери. Но не сойду я с боя... [6: 420]

В этом фатализме эпическая героика собранности:

Если, облакаясь красотой, человек в своей практической жизни собирал себя в цельное и замкнутое в своем виде «тело», то в подвиге, который облакает его славой, он схватывает воедино бесчисленные нити своей судьбы и превышает ее тем, что берет концы этих нитей в свои руки [2: 127].

Нити, которые плетут мойры, устанавливают пределы жизни, но герой не сокрушается своей индивидуальной человеческой участью на фоне всеобщей судьбы: «Уделы разнятся лишь по величине “отпущенной” жизни и по насыщенности ее бедствиями» [2: 449].

Тема судьбы становится все более напряженной в греческой трагедии, как кульминации темы кризиса в культурном сознании греков. Зарождение и реализация идеи «театра» характеризует весь строй и склад античной культуры (тематика игры, судьбы, как игрового пространства, страдания, для понимания сути которого требуется сострадание). «Трагедия, как заметил Аристотель, при помощи сострадания и страха достигает очищения подобных аффектов» [1: 1449 b]. Кардинально меняется смысл переживания – от стационарно-субъективного до универсального и общезначимого. Но это уже территория философии.

2. Кризис как падение в «Ничто»

Мироощущение человека соотносится с различными стратегиями известного сущего. То, что не соотносится с сущим опознается на уровне феномена, как ничто. О «ничто» мы не можем ничего ни сказать, ни помыслить. Между тем, вопрос о «ничто» оказывается метафизически наиболее значимым. Сущность кризиса, как заметил Тиллих, всегда соотносится с двумя видами небытия: относительным и абсолютным. Забвение человеком своего онтологического статуса, или «падение в ничто», есть относительное небытие.

Но как обстоит дело с этим «ничто»? «Мы не хотим ничего знать о НИЧТО», пишет Хайдеггер [9: 25]. Так мы оказываемся вовлечены в противоречие. Мышление по своей сути есть мышление о чем-то. Логика, как основа мышления, настроена лишь на избегание противоречий. С рациональной точки зрения человек не может сделать «ничто» предметом мысли. Так какой смысл искать то, чему нет даже определения? Есть ли намеки на это «ничто» в повседневном опыте? Может быть, такие состояния, как ужас, тоска и одиночество предстают странным языком этого «ничто»? «Ужасом приоткрывается НИЧТО» [9: 30], свидетельствуя об отрицании (действие наперекор, презрение, ненависть, жестокость, лишение, пустота). Ничто – это не предмет, ни вещь, ни что-либо Сущее. Ни будучи ни предметом, ни вещью, ни чем-либо сущим, оно – «условие возможности раскрытия сущего как такового для человеческого бытия» [9: 32]. Аналитика «ничто», выполненная Ницше, угадывает симптоматику болезни современного человека – нигилизм. Другое (психологическое) название болезни – экзистенциальный кризис. Для практик обыденной жизни нигилизм не столь уж и опасен. Это то, чего «как будто» нет, что-то совсем ничтожное. С психологической точки зрения человеку может быть просто плохо или «все равно», но о смертельной опасности речь не идет. Между тем, как утверждают

некоторые авторы, например Хайдеггер, эта болезнь смертельно опасна.

Понятие «нигилизм» зазвучало в качестве диагноза эпохи и индивида лишь в XIX столетии. Нигилизм может быть понят как категория, которая фиксирует потерю, нехватку, утрату человеком онтологического статуса. Судьба европейского нигилизма развивалась поступательно, и философия Ницше стала ее кульминацией, знаковым событием в новом полагании существа человека. Поскольку основой концепции является тезис о смерти Бога, то мерой для человека стал он сам в своих искусственных полаганиях: идее вечного возвращения, воли к власти, идее сверхчеловека, критике христианских ценностей. Новые ценности сосредоточились в пространстве эго, а оно оказалось пустым без целеполагания. «Вопрос о ценности и ее существовании коренится в вопросе о бытии» [9: 98] напишет уже в XX столетии Хайдеггер, размышляя о феномене европейского нигилизма. Следует прислушаться к его мысли и понять, что вопрос о ценности возможен из среза, в котором есть отношение (отношения). Относиться к чему-то серьезно – значит придавать этому ценность. Таким образом, речь идет о связи ценности, цели и основания: «Ценить что-то, то есть считать ценностью, значит одновременно: с этим считаться» [9: 98].

В ситуации кризиса метафизического измерения ничто не представляется для сознания ценным. Оно оказывается лиминарным, как некогда в ритуальных практиках, зависнув между не проясненными возможностями. Отсюда же и практика восприятия мира как иллюзорного пространства. Проблема иллюзорности заключена в сети человеческих проекций на мир, и нигилизм – это всегда определенная проекция, ложная по преимуществу. «Полный нигилист – глаз нигилиста, который идеализирует уродливое» [3: 335]. Возможен ли отказ от проекций? Такой отказ возможен в экзистенциальном усилии, «перспектива вечного возвращения из гипотезы становится ежеминутной проверкой полноты бытия» [3: 334]. Нигилизм, говорил Вяч. Иванов, кроется в определенном взгляде на мир, который характеризуется «отрицательной, нетворческой, косной, дурной стихией варварстваполунадменного, полубуддийского убеждения нашего в несущественности и неважности всего» [5: 83].

3. Стратегии осмысления кризиса, оказавшие влияние на психологию и психотерапию Ясперс. Кризис как граница

Влияние Хайдеггера помогло выйти Ясперсу на уровень экзистенциальной философии, хотя изначально он начинает свою академическую карьеру в качестве психолога, интеллектуально продвигаясь, так сказать, от психологии к философии. Тональность ранней работы Ясперса «Общая психопатология», ставшей в последствии учебным пособием для психиатров, проявится затем в изучении патографии (анализе развития личности и ее творчества в психопатологическом аспекте у Стриндберга, Ван Гога, Ницше). В 30-е годы вышла трехтомная «Философия», которую Ясперс считает основополагающей в своем творчестве. Ясперс работает со сложно ранжированной моделью, которая вмещает в себя три региона: предметное **бытие**, или бытие в мире; экзистенцию и трансценденцию – непостижимый предел всякого бытия и мышления. В соответствии с тремя указанными регионами он выявляет три вида отношения мышления к ним: сталкиваясь с предметным бытием, **мышление** образует то, что называется ориентацией в мире; пытаясь понять **сущность** человека, его существование, мышление занимается просветлением экзистенции; желая уяснить природу трансценденции, мышление создает метафизику, которая выражает в мышлении невыразимую природу бытия. В соответствии с названными регионами различаются и способы трансцендирования: трансцендирование в ориентировании в мире; трансцендирование в просветлении экзистенции; трансцендирование в метафизике.

Собственно кризис есть неспособность прорыва или трансцендирования. Ясперс не является исключением. Он непрестанно повторяет мысль о необходимости обретения опоры для себя самого: «Я хотел бы получить ответ, который даст мне твердую опору» [10: 22]. Но как можно обрести опору человеку, который, как пишет Ясперс, мало того, что находится между «неясным началом и концом» [10: 23], то есть затерян между прошлым и будущим в историческом контексте, так еще затерян и в самом себе? Исходя из осознания этого двойного капкана безопорности, Ясперс приходит к идее бытия и способу его обретения – трансцендированию: «Я должен искать бытие, чтобы по-настоящему найти себя». Без интеллектуального и волевого разрешения противоречий, с которыми сталкивается человек (так называемых пограничных ситуаций), полагает Ясперс, невозможно по-настоящему найти себя, собственно бытие.

Ясперс определяет пограничную ситуацию как «стену» (границу), ударившись о которую человеческое существование стремится уклониться. Но «мы становимся сами собой, когда вступаем с открытыми глазами в пограничные ситуации. Переживать пограничные ситуации и экзистировать – это

одно и то же» [10: 206]. В первом ряду таких ситуаций будет ситуация историчности – «тесноты» (ситуация привязанности к своему неповторимому положению). Эта теснота ситуации оставляет, между тем, возможность принятия решения, все зависит от той меры свободы, на которую человек отважится. В следующем круге располагаются отдельные пограничные ситуации, которые, впрочем, универсальны с точки зрения затронутости ими любого человека: страдание, борьба, чувство вины и, наконец, смерть. «Человек по очереди пытается освободиться от одной при помощи другой» [10: 219], – пишет Ясперс, но лишь в открытости перед лицом пограничной ситуации экзистенция способна выйти из этого «порочного» круга.

4. Фуко. Кризис как тревога

В своей первой работе по генеалогии безумия «Психическая болезнь и личность» Фуко, вдохновленный идеями экзистенциальных мыслителей XX века, определяет узел психологических значений кризиса как тревоги (т. е. такого переживания, которое устанавливает «механизм защиты от амбивалентности эмоциональных противоречий» [8: 136]. Тревога определяет стиль опыта, которым отмечены порождаемые им травмы. «Тревога есть а priori существование» [8: 137].

Фуко определяет кризис в качестве деформированной целостности субъекта: «Болезнь затрагивает глобальную ситуацию индивида в мире она есть общая реакция индивида, взятого в своей психологической и физиологической целостности» [8: 80]. Болезнь или кризис душевной жизни в феноменологическом анализе, который практикует Фуко, не рассматривается исходя из априорного разграничения нормального и патологического. Напротив, кризис (болезненность) постигается (понимается) в процессе исследования как «фундаментальный характер этого мира» [8: 161]. Актуальной становится стратегия понимания индивида, реагирующего тем или иным образом на свою ситуацию.

Однако важно учитывать, что

...болезненное существование отмечено совершенно своеобразным стилем отказа от мира в этом раздробленном времени без будущего, этом пространстве без связности, мы видим знак падения, которое отдает больного во власть миру, словно злему року это отказ от самой худшей из субъективностей и падение в худшую из объективностей [8: 137].

Обращает на себя внимание отсылка Фуко к мифологической структуре сознания, в которой рок или судьба заменяют смысл и ценность. В такого рода структуре происходит добровольный отказ от собственной субъективности. Таким образом, круг наших рассуждений может быть завершен на данном этапе.

Заключение

Феномен кризиса был рассмотрен в нескольких плоскостях: как «промежуток» – при переходе от мифического к трагическому; как падение в «ничто» или нигилизм и в качестве экзистенциального опыта (кризис как граница в философии Ясперса и кризис как тревога в философии Фуко). Были выявлены общие черты кризиса: лиминарность и амбивалентность. В основе всех названных характеристик кризиса лежат мифологизирующие структуры воспроизведения реальности и отсутствие онтологического горизонта вопрошания.

Литература:

1. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Поэтика. Риторика. Санкт-Петербург.: Азбука, 2000. С. 21-81.
2. Ахутин А.В. Рубеж 20 века // Ахутин А.В. Поворотные времена. Санкт-Петербург.: Наука, 2005. С. 447-705.
3. Бибихин, В. В. Ницше в поле европейской мысли // Ницше и современная западная мысль : сб. статей / под ред. В. Каплуна. – Санкт-Петербург : Европ. ун-т ; Москва : Летний сад, 2003. С. 330-346.
4. Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Пер. с франц. — Москва : Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 1999. – 198 с.
5. Иванов В. И. Родное и вселенское. М. : Республика, 1994. – С. 73-90.
6. Гомер. Илиада / Перевод Н.И. Гнедича. Санкт-Петербург : Наука : 2008. 544 с.
7. Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. В 2 т. Т. 1. Москва, 2010. 488 с.
8. Фуко М. Психическая болезнь и личность // Санкт-Петербург : “Гуманистическая Академия”, 2010. 281 с.
9. Хайдеггер, М. Время и бытие : статьи и выступления / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Бибихина.

– Санкт-Петербург : Наука. 2007. – 621 с.

10. Ясперс, К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире // К. Ясперс – Москва : “Канон+” РООИ “Реабилитация”, 2012. 384 с.

References

1. Aristotle. Poetics // Aristotle. Poetics. Rhetoric. Saint Petersburg.: Azbuka, 2000. pp. 21-81.
2. Akhutin A.V. The turn of the 20th century // Akhutin A.V. Turning times. Saint Petersburg.: Nauka, 2005. pp. 447-705.
3. Bibikhin, V. V. Nietzsche in the field of European thought // Nietzsche and modern Western thought : collection of articles / edited by V. Kaplun. – St. Petersburg : Europe. un-t ; Moscow : Summer Garden, 2003. – pp. 330-346.
4. Gennep A. Rites of Passage. Systematic study of rituals / Trans. from French. — Moscow : Publishing company “Oriental Literature” of the Russian Academy of Sciences, 1999. 198 p .
5. Ivanov V. I. Native and Universal. M. : Republic, 1994. pp. 73-90.
6. Homer. Iliad / Translated by N.I. Gnedich. Saint Petersburg : Nauka : 2008. 544 p.
7. Toporov V.N. The World tree: Universal sign complexes. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 2010. 488 p.
8. Foucault M. Mental illness and personality // St. Petersburg: “Humanistic Academy”, 2010. 281 p.
9. Heidegger, M. Time and Being : articles and speeches / M. Heidegger ; translated from German by V. V. Bibikhin. St. Petersburg : Nauka. 2007. 621 p.
10. Jaspers, K. Philosophy. The first book. Philosophical orientation in the world // K. Jaspers – Moscow : “Canon +” ROOI “Adaptation”, 2012. 384 p.

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF UNDERSTANDING PSYCHOLOGICAL CRISIS AND CRISIS PSYCHOTHERAPY

**KOROSTELEVA
LILIA**

*PhD in Philosophy,
Professor of the Department of Philosophy and Cultural
studies,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation, Lila31@yandex.ru*

Keywords:

myth
liminality
nihilism
ambivalence
crisis of consciousness
ontology

Summary:

The article specifies the concept of “crisis” within the interdisciplinary narrative. The phenomenon of crisis is examined from various perspectives, including its role as a transitional “gap” between the mythical and the tragic, as a sense of existential “nothingness,” and as both anxiety and a boundary in the philosophies of Jaspers and Foucault. Furthermore, the article identifies common elements of crisis, such as liminality, nihilism, and ambivalence.